

МОД ВУЛФ

Рок Лалабелль
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок

Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок

СПОСОБОВ

Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок

Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок
Лалабелль Рок

УБИТЬ

ЛАЛАБЕЛЛЬ РОК

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.4(411)
ББК 84(4Вел)-44
В88

Maud Ruby Woolf
THIRTEEN WAYS TO KILL LULABELLE ROCK
Copyright © Maud Woolf, 2024

Вулф, Мод.
В88 Тринадцать способов убить Лалабель Рок / Мод
Вулф ; [перевод с английского М. Л. Павлычевой]. —
Москва : Эксмо, 2024. — 288 с. — (Альфа-триллер).

ISBN 978-5-04-196271-5

В недалеком будущем знаменитости получили возможность создавать свои абсолютно точные копии, ставшие известными как Портреты (чтобы все успевать, некоторые вещи проще заставить делать клонов). Одна из тех, у кого есть Портреты для разных нужд, — Лалабель Рок, актриса, переживающая кризис популярности. И в какой-то момент решающая, что интерес публики может подогреть сенсация — убийство всех ее двенадцати дублей.

Актриса заказывает тринадцатый Портрет. Новая копия должна стать серийным убийцей с одной лишь целью — безжалостно расправиться с остальными Лалабель...

УДК 821.111-312.4(411)
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-196271-5

© Павлычева М.Л., перевод на русский
язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Посвящается Маргарет.

Ты прочитала мне так много книг; больше всего на свете мне хотелось бы, чтобы ты прочитала мне и эту.

ГЛАВА О

ШУТ

Солнце ярко светит, когда Шут отправляется в путь. Все его пожитки — в котомке, которая висит на посохе, переброшенном через плечо; в руке он держит белую розу. Его взгляд прикован к горизонту, и этот беззаботный скиталец не подозревает, что он вот-вот перешагнет через край пропасти...

Лалабелль Рок делает еще один глоток розового «Пепто-Бисмоля»¹. Одна капелька падает на лацкан белого банного халата и тут же впитывается в махровую ткань. Лалабелль не замечает этого, а если и замечает, то никак не реагирует.

Вместо этого она облизывает губы и устремляет открытый и серьезный взгляд в мою сторону.

— Я могу рассказать тебе о моем новом фильме? Это полный провал. Просто катастрофа.

Не знаю, надо ли мне кивнуть. У меня не возникло впечатления, что Лалабелль спрашивает моего разрешения. Она не продолжает и ждет, слегка склонив голову набок.

---

¹ Средство от расстройства и несварения желудка. — *Здесь и далее прим. пер.*

Секунду мы смотрим друг на друга, потом я уступаю.

— Рассказывай.

Лалабелль прихорашивается, плотнее завязывая на голове белый шелковый шарф. Однако одному светлому локону все же удается сбежать, и он покачивается в опасной близости от ее губ, на которых еще не высох лечебный напиток со вкусом клубники.

— В общем, — начинает она, подавшись вперед, — когда я подписывала контракт, все это казалось мне верным решением. Спенсер, мой агент, говорил, что это нужно хватать и бежать. Хватать и бежать. Умно, правда?

Я что-то бормочу в знак согласия.

— В общем, это адаптация. Чего-то артхаусного. Шведского, или польского, или итальянского, или еще чьего-то. Черно-белого. С субтитрами. И все такое. Режиссер-постановщик отличный, как ты понимаешь, один из лучших... В общем, ему всегда это нравилось, еще с тех пор, когда он был голодным студентом в киношколе. «Медея», так он называется. Он о матери.

— Это твоя роль? — спрашиваю я.

Мы сидим на балконе, и нас разделяет большой стеклянный стол. Когда солнце выходит из-за облаков, стол превращается в диск ослепительного света. В эти короткие мгновения я чувствую себя так, будто мы с ней беседуем над поверхностью луны.

— Естественно, — отвечает Лалабелль, явно немного обиженная. — В общем, у этой матери есть дети.

— Само собой.

— Двое детей. Два маленьких мальчика. И отец, естественно. В общем, все они живут в этом большом старом доме. В сельской местности. Там высокая

влажность и частые туманы. Наверное, в Англии — там всегда сыро...

— Они счастливы? — спрашиваю я.

— О, наверное, — говорит Лалабелль, отпивая из стакана. — Наверняка. Но потом начинается война. Или она уже давно идет... Тут не совсем ясно. В общем, отец вынужден уехать. Он, видите ли, солдат. Он уезжает, и мать остается одна.

— С детьми?

— Естественно. Проходят годы, они так и живут в этом жутком доме, все новости о войне узнают по радио, ну, из передач, что были в те давние времена... А эта мать, она дико напугана, у нее паранойя, и она совсем одна в этом старом большом доме...

— С детьми, — напоминаю я ей, и она нетерпеливо взмахивает ручкой с сияющими лаком ногтями.

— Да-да, это же ясно. Но она боится. Шарахается от теней. Она все думает, что будет, если на них нападут? А что, если враг найдет их? Что он сделает? И вот спустя годы и годы она слышит стук в дверь...

Лалабелль замолкает и многозначительно смотрит на меня.

Через секунду я понимаю, что она ждет от меня реакции.

— Это муж? — спрашиваю я.

— Ну, — говорит она и слегка качает головой, — да. Но предполагается, что ты об этом не знаешь. Это может быть кто угодно. Короче, она думает, что это враги, они пришли убить ее и сотворить страшные вещи над малышками. И она убивает их.

— Кого? — спрашиваю я. — Врагов?

— Нет... детей, — говорит Лалабелль, приправляя свою интонацию ужасом. — Она убивает своих детей,

чтобы враги не смогли причинить им вред. А потом, когда оба уже мертвы, она вооружается кухонным ножом и идет открывать. И как ты думаешь, кто по ту сторону двери?

Она изгибает бровь, которая бледной полосой поднимается над краем солнцезащитных очков. Мгновение мы тупо смотрим друг на друга.

— Муж? — говорю я.

— Муж! — Она восторженно хлопает в ладоши. —

И на этом конец.

Я размышляю.

— Гм, — говорю я. — И все это в черно-белом?

— Оригинал был черно-белым, — говорит Лалабелль, пожимая плечами. — А наша версия — нет. В нашей версии очень красивое освещение. Красное, голубое и так далее. Ты видела «Суспирию»¹?

— Нет.

— Я тоже, но мне говорили, что это точная копия. Мы не собирались делать что-то вроде дрянных студийных ремейков, где всё в пастельных, приглушенных тонах и выглядит безопасно. Мы хотели — ну, режиссер хотел, — чтобы все было в крови. Кровоточило. Именно это слово он и использовал. Неукоснительно.

— А в оригинале ему было мало крови? — спрашиваю я.

От солнца у меня начинает болеть голова. Я не привыкла к головным болям. Я их не люблю.

На Лалабелль Рок большие солнцезащитные очки. Она может спокойно смотреть на меня, мне же приходится щуриться, чтобы разглядеть розовое пятнышко

---

¹ Имеется в виду культовый итальянский мистический триллер 1977 года (в 2018 году снят его голливудский ремейк).

на белом халате, в который укутано ее тело, и ухоженные сады, что раскинулись позади нее, лазурь плавательного бассейна вдаль и безупречно подстриженные изгороди. Здесь, за городом, очень красиво. Пейзаж мог бы стать отличной съемочной площадкой или фоном для картины — настолько здесь все идеально. Наверняка вокруг установлен забор, чтобы сохранять эту красоту нетронутой, но я его не вижу.

— В оригинале... — Она замолкает и постукивает ногтем цвета электрик по своему клыкку. — Там многое только подразумевалось. Жестокость. Ответные выстрелы, элегантные брызги крови на стене. Детская рука, медленно роняющая игрушечный грузовик. Ну и так далее. Мы не хотели так делать. Мы хотели как можно больше реальности. Мы хотели создать нечто настолько ужасное, чтобы у зрителя возникло желание отвернуться. Но не получилось.

— Вы показывали убийства?

— Во всех жутких подробностях. Это действительно было отвратительно. И оригинально. Каждый ребенок умирал двадцать минут. Море крови. Что, естественно, раздражало, потому что, во-первых, остаются пятна, а во-вторых, она была съедобной, и детишки, естественно, слизывали ее, хотя предполагалось, что они мертвы.

По лицу Лалабелль проходит тень.

— Никогда не работай с детьми, — мрачно советует она мне. — Они думают, что все это понарошку. Они лишают актерскую игру всякого достоинства.

— Не буду, — обещаю ей я.

— Как бы то ни было, — со вздохом говорит она, — это должно было стать шедевром. Моим шансом на признание. Чтобы не играть жен, или робких секре-

тарш, или тусовщиц. Чтобы не сниматься в этой высокобюджетной чуши с захватом движения, зеленым экраном и CGI¹ или озвучивать в эпизодах тролля Хихифырча.

— Уверена, ты была великолепна в этой роли.

— Критики были добры. — Лалабелль изящно пожимает плечиком и достает из кармана пачку сигарет и дешевую пластмассовую зажигалку. Сигарета заводится у ее рта; ее лицо обращено к раскинувшимся вокруг просторам. В это мгновение она действительно выглядит как кинозвезда Лалабелль Рок.

— «Медя» обещала стать моим освобождением, — говорит она с трогающей до глубины шекспировской серьезностью. — Но, похоже, она станет эпитафией моей карьере. Предварительные показы обернулись катастрофой. Самым настоящим бедствием, вот что говорит Спенсер.

— Фильм сочли агрессивным?

— Нет, — уныло говорит Лалабелль. — Хуже. Они сочли его скучным. В лучшем случае, забавным. Спенсер сказал, они хихикали, когда маленького Робби ударили топором.

— Сожалею.

— Думаю, искусство мертво, — но что теперь плакать по сбежавшему молоку...

Я сочувственно улыбаюсь, но в слова не вслушиваюсь. Смотрю на сигаретную пачку. Она лежит между нами, почти посередине. «Везучая девчонка» написано на ней черными буквами. В черной четкости шрифта есть нечто авторитарное.

---

¹ Computer-generated imagery (англ.) — изображения, сгенерированные компьютером.

Разве мне не подсказывают, что я везучая? Я задумываюсь. Или эти сигареты исключительно для девушек, которым уже повезло? Возможно, тебе везет еще больше, если ты куришь их.

— Он выходит на широкий экран через неделю, — говорит Лалабелль, причем деловым тоном, что неожиданно. — Мне нужны публикации в прессе. Что-то такое, что вызовет интерес. Что-то, что превратит фильм из позора в культовый хит. Во всяком случае, так говорит Спенсер. И вот тут на сцену выходишь ты.

— Я? — удивленно спрашиваю я.

— Конечно, — говорит Лалабелль. — Разве тебе не интересно, зачем ты здесь? Почему я выбрала тебя?

Я хлопаю глазами. До этого момента я таким вопросом не задавалась. Внезапно меня охватывает неприятное чувство, что что-то тут неправильно.

— И сколько мы уже сидим тут? — спрашиваю я.

Лалабелль Рок бросает на меня холодный взгляд поверх темных очков.

— Всю твою жизнь, — говорит она. — Двадцать минут, если тебе нужно точнее. Ты же знаешь, кто ты такая, верно?

Я снова хлопаю глазами и смотрю на свои ногти цвета электрик. Шевелю пальцами, и мне кажется, что при движении ногти оставляют за собой синий след. Головная боль достигла кульминации и стала невыносимой.

— Я Лалабелль, — говорю я. — Лалабелль Рок.

Лалабелль сочувственно улыбается и несколько раз легонько хлопает меня по руке.

— Одна из многих Лалабеллей Рок, — поправляет она. — А я та самая Лалабелль Рок. Покури. Помогает.

— Я не курю, — говорю я. — Это плохо для цвета лица.

— Да, — с едва заметным нетерпением в голосе говорит Лалабелль. — Я не курю. Мне надо заботиться о своей карьере. И о здоровье. И об обложках для журналов. Можешь делать что угодно.

Я беру сигаретную пачку и надрываю обертку. Неловкими пальцами вытаскиваю идеально гладкую сигарету и неуклюже вставляю ее в рот. Трижды пытаюсь добыть огонь из зажигалки, и в конце концов Лалабелль со вздохом забирает ее у меня. Она выхватывает у меня сигарету и достает еще одну из пачки. Зажав обе между губами, уверенно чиркает зажигалкой, и на мгновение в ее темных очках отражаются два язычка пламени.

— Вот, — говорит она, передавая одну сигарету мне. — Вдохни. Ты скоро освоишься. Все привыкают.

— Кто все? — спрашиваю я, и сигарета, торчащая из моего рта, дергается вверх-вниз.

— Другие Портреты. На данный момент у меня набралось достаточно. Ты будешь тринадцатой.

— Не повезло, — бормочу я, пытаюсь понять. — Я не... думаю... я...

— Вдохни.

Я делаю, как она говорит, и дым заполняет мой рот, устремляется в горло и цепляется за миндалины. Я чувствую, как он густым черным смогом проникает в легкие. Мне становится страшно. Я кашляю, меня начинает тошнить, на глаза наворачиваются слезы.

— Ой, пора взрослеть, — говорит Лалабелль, закатывая глаза. — От капельки дыма никому вреда не будет. Вдохни, задержи дыхание и выдохни.

Мне не хочется, но она наблюдает за мной, барабанит пальцами по столу — цок, цок, цок. С третьей попытки у меня все получается, однако руки дрожат.

— Ну что, вспомнила? — наконец спрашивает Лалабелль.

Кажется, она овладела собой. Сейчас она мне даже улыбается, как будто я ребенок, который старается изо всех сил. Она делает глоток.

— Наверное, — говорю я и старательно думаю об этом.

Мои воспоминания состоят из двух слов. Я отчетливо помню розовое пятнышко на халате Лалабелль. Я помню, как стеклянный стол сверкает на солнце. Я помню «Медею». Я помню, как мне советуют никогда не работать с детьми. Я помню, как держу сигарету, девственно гладкую. И все эти воспоминания цветные. Я даже могу чувствовать их запах. От них пахнет клубникой лечебного напитка, сигаретным дымом и терпкими духами Лалабелль.

А под этими воспоминаниями есть другие, и они в цвете сепия. Плоские и без запаха, как фотография. Этих воспоминаний гораздо больше; они охватывают тридцать лет. Запас на целую жизнь. Я вижу два лица. И я знаю, кто это. Одно из них мамино. Другое папино. Я ничего к ним не чувствую. Эти воспоминания — как греза.

— Я выросла, — осторожно говорю я, ожидая от Лалабелль подтверждения, — в этой местности. Поэтому-то и купила этот дом. Поместье.

— Да, — говорит она. — Только ты не должна думать в таком ключе. Ты только сама себя запутаешь. Это я выросла в этой местности. Тебя выловили из чана в моем подвале. Что еще?

— Я... ты переехала в город.

— Да, — говорит она. — Хорошо.

— Ты актриса.